

На мгновение Цзи Су замер, а затем медленно попытался высвободить руку. Цзи Вэйцю недовольно хмыкнул и ещё плотнее прижался щекой к его ладони. Убедившись, что «подушка» на месте, он затих.

Нежная, тёплая кожа касалась его ладони, вздымаясь в такт дыханию. Влажное теплое дыхание оседало на его запястье, вызывая лёгкий зуд. Слово «дерзость» уже готово было сорваться с языка Цзи Су, но, взглянув на бледное лицо Цзи Вэйцю, он промолчал.

Этот яд... его можно было избежать. Для Цзи Вэйцю это было несчастье, обрушившееся ни за что. Он знал, что в Лазурной Гвардии есть предатели, но тогда его сердце было твёрдо, как камень. Теперь же оно смягчилось.

Он всегда умел легко начинать и легко отпускать. Но раз уж теперь он не хотел отпускать, значит, нужно было снова взять всё в свои руки.

Цзи Су усмехнулся, взял сбоку длинную подушку и подложил её Цзи Вэйцю. Осторожно придерживая его лицо, он помог ему устроиться на подушке и высвободил свою руку. Движение было таким быстрым и плавным, что Цзи Вэйцю даже не шелохнулся. Цзи Су накрыл его одеялом и отправился отдохнуть на соседнюю тахту.

Гунгун Цинси за ширмой приложил палец к губам. Слуги у входа безмолвно поклонились и разошлись по своим местам. Сяо Чжо с тревогой спросил:

— Учитель, мне... мне возвращаться?

— Куда возвращаться! Безмозглый! — Цинси стукнул Сяо Чжо по голове своей метёлкой и зашипел: — Ты что, первый день при дворе служишь?! Когда Государь отдыхает, в покоях никого не должно быть! Неужели не знаешь?! Стой у дверей и карауль!

До ужина оставалось около часа. Государь редко отдыхал в это время. Цинси прикинул время и велел слугам передать на императорскую кухню, чтобы сегодня, когда Государь проснётся, приготовили что-нибудь лёгкое и освежающее. После сна у него, скорее всего, не будет аппетита, и вид жирных мясных блюд его не обрадует.

Он подумал ещё и велел приготовить побольше сладостей и отнести их в чайную комнату. Он заметил, что маленький князь с увлечением читал доклады, и, возможно, засидится допоздна. Пусть будут сладости наготове.

Убедившись, что ничего не упустил, он потянулся и помассировал шею.

— Я тоже пойду отдохну. А ты, парень, будь внимательнее!

Сяо Чжо изобразил на лице благоговейный трепет.

— Да, да, учитель, идите. Как только что-то услышу, сразу пошлю за вами!

Цинси ушёл. Проходя мимо входа в зал, он увидел Син Бо, всё ещё ожидавшего снаружи, и с досадой сказал:

— Парень, ты что тут до сих пор делаешь?!

Син Бо поднял голову и с улыбкой ответил:

— Дядюшка Цинси.

— Не надо мне тут «дядюшек» и прочего! — Цинси сделал вид, что сердится, и, уперев руки в бока, указал на него. — Раз уж ты покинул дворец, зачем возвращаешься?! Ты знаешь, для чего тебя отпустили?! Ты — старший слуга в княжеской резиденции, что тебе за дело до меня!

Улыбка не сходила с лица Син Бо.

— Я всего лишь скромный слуга из княжеской резиденции. Если я смогу заручиться поддержкой такого влиятельного человека при дворе, как вы, гунгун, это будет настоящей удачей!

— Тьфу на тебя! — рассмеялся Цинси, но тут же посерьёзnel. — Ты, парень, наконец-то получил официальную должность, так знай своё место. Раз князь во дворце, неужели о нём некому позаботиться? Уходи, уходи! Нечего тут глаза мозолить! Приведи дела князя в порядок, тогда и у тебя всё будет хорошо!

Син Бо на мгновение замялся, а затем поклонился.

— Благодарю за наставление... Тогда прошу вас, присмотрите за Его Высочеством.

— Ладно, ладно, уходи уже! — Цинси махнул рукой, и Син Бо удалился. Дел у него и впрямь было по горло. Загородная усадьба «Сладкий Родник» ещё не была готова, управляющие ждали его распоряжений, да ещё и, по слухам, с запада привезли партию рубинов... Работы хватало.

Цзи Вэйцю проспал около часа и проснулся. Увидев, что за окном смеркается и слышен шум дождя, он поленился вставать. Обняв подушку, он перевернулся на другой бок и, устроившись поудобнее, закрыл глаза, слушая, как капли стучат по крыше.

Когда человек закрывает глаза, он либо засыпает ещё крепче, либо, наоборот, просыпается окончательно. Цзи Вэйцю определённо относился ко второй категории. Он слушал дождь, пока не прошло очарование момента, и открыл глаза.

Альков по сравнению с боковыми покоем был крошечным, но он и предназначался лишь для короткого отдыха. Кушетка-лохань, на которой можно было сидеть, лежать или спать, тахта, шкаф, несколько книг, пара свитков с живописью и ширма для украшения — вот и вся обстановка.

Возможно, кушетка была слишком жёсткой, и у него немного болела спина. Он ухватился за резную спинку, чтобы потянуться, и, обводя взглядом комнату, вдруг заметил, что на тахте кто-то спит. Цзи Вэйцю замер, но тут же расслабился, с сожалением подумав, что теперь не сможет издать протяжный стон удовольствия.

Потягивание без этого стога — как тело без души! Уж лучше и не потягиваться вовсе. Чувство было такое, будто вздох застрял где-то в груди.

То, что Цзи Су тоже отдыхал здесь, ничуть его не удивило.

Это был не боковой покой, а небольшой альков в главном зале дворца Ясного Покоя. Весь дворец был личными покоями его брата, местом, где он работал и отдыхал. Он не станет уходить только потому, что здесь находится Цзи Вэйцю, и даже не сочтёт нужным предупредить его. Старший не уступает младшему, у брата не было причин избегать его.

Если бы брат позвал его, это, скорее всего, означало бы, что ему следует уйти.

Да, именно так. Не «попросил бы», и уж тем более не «пригласил бы».

Цзи Вэйцю разглядывал Цзи Су. Чем дольше он смотрел, тем меньше тот казался ему человеком. Он был как солнце, вокруг которого вращается весь мир. В каком-то смысле так оно и было.

Он смотрел ещё некоторое время и вдруг сердито стукнул по подушке. Ну как же так? Пусть он и приёмный, и кровного родства с братом у них нет, но как можно быть настолько красивым? Разве обычный человек может так выглядеть? Он и сам был недурён собой, но по сравнению с братом — один был божеством на небесах, а другой — так, земной пылью.

Ах да, его брат — главный герой романа, его неземная красота — это само собой разумеющееся! Времена изменились, писать о героях с обычной внешностью давно не модно! А он, второстепенный персонаж, завидует главному герою — это ли не само унижение?

Цзи Вэйцю не удержался и ещё несколько раз открыто посмотрел на брата. Только в такие моменты он и осмеливался так бесцеремонно его разглядывать. Когда брат бодрствовал, он

выглядел пугающе, да и по этикету смотреть прямо на государя было нельзя. Он помнил, что в детстве их отец был обычным весёлым стариком, и с ним не было столько церемоний. Он мог подбежать к нему с криком «отец-император», и тот брал его на руки и играл с ним.

Как там говорится?

— Когда в доме хозяин — родной отец, и когда в доме хозяин — родной брат, — это две большие разницы!

Цзи Вэйцю зарылся лицом в подушку и тихо рассмеялся. Цзи Су всё ещё спал, и зажигать свет было нельзя. Читать в таком полумраке Цзи Вэйцю не хотелось. Он обнял подушку и перевернулся на другой бок. За окном тени деревьев плясали под дождём, шелестя листвой. Он зевнул, и сон снова одолел его.

Когда он проснулся снова, за окном было немного светлее, чем до того, как он заснул. Наверное, дождь кончился. Он увидел Цзи Су, сидевшего на другом конце кушетки в широком халате. Его длинные волосы не были собраны, в руке он держал чашку. Мертвенный свет падал на него, и он казался призраком, восставшим из ада, от которого веяло леденящим холодом.

Цзи Вэйцю, ещё не совсем проснувшись, неуверенно позвал:

— ...Брат?

Цзи Су обернулся.

— Проснулся? — ровным голосом спросил он.

Цзи Вэйцю сел и потёр шею.

— Уф... слишком жёстко. В следующий раз лучше буду спать на тахте...

Цзи Су допил чай и постучал по столу. С потолка бесшумно спустилась тень. Цзи Вэйцю вздрогнул и окончательно проснулся. Он увидел, как тайный страж наливает чай его брату, а затем и ему. Цзи Вэйцю схватил чашку и осушил её до половины.

— Брат-император, не слишком ли это расточительно — использовать таких людей для подобных дел? — с усмешкой спросил он.

— В стране мир, — ровным голосом ответил Цзи Су.

Иными словами, раз в стране мир, можно и так. Если бы у стражей был выбор, они бы

предпочли подавать чай, а не сражаться насмерть.

— Подойди, — сказал он.

Цзи Вэйцю допил чай и подошёл к маленькому столику между ними.

— Ну как, прочёл? — спросил Цзи Су.

Цзи Вэйцю не почувствовал ни капли смущения.

— Пока только два хвалебных доклада... Кто такой Ли Юньсю? Я должен был бы помнить такого известного сановника.

Взгляд Цзи Су остановился на лице Цзи Вэйцю.

— В зале славы его имени нет, — медленно произнёс он.

— Не может быть. Судя по докладу, у него были прекрасные отношения с императором Шицзу. Я думал, они были закадычными друзьями... — удивлённо сказал Цзи Вэйцю и тут же пробормотал себе под нос: — Неужели в итоге они стали врагами?

— Да, — медленно кивнул Цзи Су. — Ли Юньсю, по имени Куан, был товарищем по учёбе императора Шицзу. В десятом году эры Тайюань был назначен правителем области Ляюань. В тринадцатом году вернулся в Яньцин. В четырнадцатом году получил звание генерала-защитника Севера и отправился на северную границу, где разгромил северных варваров. В восемнадцатом году вернулся и был пожалован титулом князя-защитника государства, высшим титулом, не входящим в ранги. В двадцать первом году совершил покушение на императора Шицзу, был убит на месте. Весь его род был истреблён.

Первая часть рассказа не вызвала у Цзи Вэйцю удивления — типичный путь любимца императора. Его посылали в ключевые места, и в итоге он получал огромную власть. Но он не мог понять, зачем этот человек, у которого, казалось бы, были прекрасные отношения с императором, вдруг решил его убить? Если бы он не хотел расставаться с властью и решил поднять мятеж, он мог бы сделать это на северной границе. Зачем возвращаться и совершать покушение?

Во времена правления императора Шицзу страну терзали стихийные бедствия, и она была слаба как никогда. Разгромить врага в таких условиях можно было, только если полководец был гением, а не за счёт численного превосходства. Такой человек не мог быть глупцом.

Цзи Вэйцю, оперевшись на подушку, снова открыл доклад и перечитал его. Ответ императора, написанный киноварью, был всё так же ярок. Но всего через десять лет всё изменилось.

Он посмотрел на стопку из десятка докладов, лежавших рядом. У него было предчувствие, что в этих свитках — вся жизнь этого князя-защитника государства.

— ...Как жаль, — вздохнул Цзи Вэйцю.

Цзи Су, тоже оперевшись на подушку, постучал пальцем по алому иероглифу.

— Почему ты так говоришь?

Цзи Вэйцю посмотрел на сидевшего так близко Цзи Су.

— Потерять такого талантливоего полководца — это, конечно, жаль.

— Остальное я пока придержу при себе! — Цзи Вэйцю задрал подбородок. — Когда дочитаю, тогда и расскажу тебе, брат-император.

— Хорошо, — сказал Цзи Су.

Цзи Вэйцю потянулся за свитком, но его пальцы случайно скользнули по тыльной стороне ладони Цзи Су. Цзи Су инстинктивно схватил его за руку. Цзи Вэйцю поднял глаза и встретился с его пристальным взглядом.

В этот час, когда день смешивался с ночью, свет и тьма слились воедино. Взгляд Цзи Су был глубок и далёк. Цзи Вэйцю смотрел на него и на мгновение забыл, что хотел сказать.

— Государь, пора вставать, — раздался за дверью тихий голос гунгуна Цинси.

<http://bllate.org/book/16115/1585665>